

ИСТОРИКО-СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К МЕРЯНСКОМУ ЯЗЫКУ

Предметом специальных социолингвистических исследований являлись до сих пор живые языки с непрерывно производимыми устными и – в случае их наличия – письменными текстами, особенности создания которых увязывались с особенностями жизни общества в целом и его отдельных социальных слоев. Подобные исследования получили широкое распространение сравнительно недавно, в основном после второй мировой войны. Однако ввиду их интенсивности к настоящему времени накоплен значительный опыт их проведения, разработана и методика применительно к большому и разнообразному материалу соответствующих обследованных языков.

Гораздо хуже обстоит дело с мертвыми языками, также нуждающимися в социолингвистическом освещении хотя бы основных этапов их истории²¹. Особенно мало сделано для социолингвистического изучения исчезнувших субстратных (как правило, бес-текстных) языков, важных как существенное дополнение к истории языков (прежде всего своих языков-преемников), и для осмысления довольно частого в истории процесса смены языка, сопровождаемого процессом субстратизации отмирающего языка, вхождением его пережиточных элементов в сменяющий его язык-преемник. Задача историко-социолингвистического исследования или, точнее, комментирования этих самих по себе непростых процессов в данном случае усложняется дополнительно скудностью как языковых фактов, которыми располагает наука, так и чисто исторических данных об этносах, носителях субстратных языков. Это вызвано тем, что на исчезающие языки, лишенные в период их отмирания какой-либо социальной престижности, до последнего времени (т.е. в основном до XIX–XX вв.) обычно не обращали особого внимания, тем более

²¹ Среди немногих работ, составляющих здесь исключение, следует назвать монографию А.Н.Гаркавца, где внимание обращено, правда, прежде всего на внутриязыковую сторону контактов, однако учитывается и внешнеязыковая (социолингвистическая) ситуация (см. Гаркавец, с. 3–21, 91–93).

не подвергали тщательному анализу обстоятельства их исчезновения. Особенно это относится к языкам, отмершим в древности или средневековье. Тем не менее при всей своей сложности задача историко-социолингвистического комментирования доступных (реконструированных) явлений субстратных языков должна ставиться и решаться лингвистикой хотя бы в том объеме, в каком это возможно в настоящее время. Если в отношении современного, доступного непосредственному обследованию материала можно наблюдать как социолингвистические процессы, так и их последствия, то при историко-социолингвистическом комментировании задача состоит в том, чтобы, используя (социо)лингвистические последствия, следы социолингвистических процессов, по возможности постараться воссоздать эти процессы. В этом заключается, в частности, и предлагаемый ниже комментарий сохраненных в русском языке мерянских языковых фактов, лингвистическому реконструктивному исследованию которых была посвящена предшествующая работа автора²².

Методика историко-социолингвистического комментария к фактам реконструируемых исчезнувших субстратных языков, к числу которых относится и мерянский, имеет свою несомненную специфику. Для максимально достоверного воссоздания на основе реконструированных фактов кроющихся за ними социолингвистических процессов исследователь использует прежде всего известный метод «слов и вещей» (Wörter und Sachen), опираясь при этом в первую очередь на лексику отмершего языка, но не только на нее, а и на все другие достаточно выразительные языковые элементы. Так же, как, например, на основе реконструированных элементов любого праязыка (в частности,

²² *Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. – Киев: Наук. думка, 1985. – 207 с. (наст. изд., ч. 1). В дальнейшем при социолингвистическом комментировании тех или иных фактов мерянского будет делаться ссылка на соответствующие страницы настоящего издания без аргументации чисто лингвистической достоверности рассматриваемых фактов, так как необходимые доказательства содержатся там.

праславянского) ученые получают сведения о расположении прародины, ее растительности, животном мире, занятиях этноса, носителя праязыка, особенностях его общественного строя, контактах с носителями других языков, с помощью реконструированных элементов субстратного языка можно получить сведения о его внешней истории, социалингвистических ситуациях, в которых он находился. Уже один внимательный анализ лексики и обозначаемых ею реалий дает много для понимания жизни изучаемого народа, в том числе и в периоды, недоступные пока для истории. Среди прочих фактов с помощью этих данных выясняется и целый ряд социалингвистических особенностей существования языка. Немало ценного в этом отношении дают, помимо лексики, также фонетика и грамматика языка, позволяющие установить особенности как генетических связей языка, так и взаимоотношений с другими языками, вступавшими с ним в контакт. Следовательно, данные для историко-социалингвистического комментария можно извлечь из самого подлежащего комментарию материала субстратного языка. Однако есть еще два источника, помогающие воссозданию внешней (социалингвистической) истории языка и одновременному уточнению тех сведений, которые может дать материал комментируемого языка, его лингвистические факты. Это, с одной стороны, факты истории этноса, носителя языка, в данном случае мерянского, с другой – аналогичные факты из истории и современного состояния других лучше известных народов и языков. Даже небольшое количество исторических фактов дает возможность сделать более достоверными те данные, которые извлекаются из языкового материала, конкретизирует и уточняет его показания. Привлечение современных и исторических аналогий, сопровождаемых необходимыми оговорками, указывающими на степень близости и оправданности этих аналогий к социалингвистическому положению субстратного языка, позволяет также до известной степени восполнить неполноту тех данных, которые можно извлечь из двух других источников. В целом историко-социалингвистический комментарий, разумеется, только выигрывает от полноты сведений, предоставляемых каждым из трех указанных источников, в первую очередь от

количества языковых и исторических фактов. Однако ясно и то, что, поскольку историко-социалингвистический комментарий вымершего языка требует слишком больших усилий, несоизмеримых с теми, которые необходимы для социалингвистического исследования живого языка, далеко не каждый из реконструированных фактов дает возможность прокомментировать его с социалингвистической точки зрения. Отсюда становится понятно, что по количеству исследованных фактов историко-социалингвистическое комментирование должно всегда неизбежно отставать от чисто лингвистической реконструкции субстратного языка. Это вытекает хотя бы и из того, что прежде, чем стать объектом историко-социалингвистической интерпретации, каждый факт субстратного языка должен быть реконструирован и аргументирован как принадлежащий ему.

Историко-социалингвистический комментарий к мерянскому языку предполагает в первую очередь ознакомление с данными мерянской истории, которая образует как бы рамку для собственно социалингвистического комментария к явлениям языка, прежде всего к тем из них, которые относятся к его внешней истории. Ввиду того, что в настоящее время об истории мери можно говорить только в самых общих чертах, так как здесь еще имеется слишком много пробелов, автор остановится только на контурах этой истории. Наиболее естественным итогом рассмотрения, с одной стороны, истории мери, а с другой, социалингвистического комментирования фактов мерянского языка, относящихся к его внешней истории, представляется периодизация мерянского языка, возможная на данном этапе его исследования и изученности. Следующая часть историко-социалингвистического комментария посвящена фактам мерянского языка, связанным с его внутренней историей, прежде всего тем из них, в которых отражены изменения, произошедшие в его структуре при субстратизации этого языка, т.е. при отмирании его в качестве особого финно-угорского языка и превращении в своих сохранившихся элементах в субстрат русского (главным образом диалектного) языка.

Одной из необходимых частей в структуре работы является также заключение.

КОНТУРЫ МЕРЯНСКОЙ ИСТОРИИ

Мерянский (друс. мер(ь)ский) язык (мер. *merän jelma(-ə))²³, ныне один из мертвых финно-угорских идиомов, в период своего наибольшего распространения занимал, видимо, территорию современных центральных областей европейской части России – Ярославской, Костромской, Ивановской (полностью), Калининской [с 1991 г. – Тверской. – Прим. ред.], Московской, Владимирской (частично) и, возможно, некоторые земли смежных с ними районов Вологодской, Кировской и Горьковской [с 1990 г. – Нижегородской. – Прим. ред.] областей. Площадь этой территории составляет приблизительно 233 тыс. кв. км, что при сравнении с этническими территориями наиболее крупных финно-угорских народов соответствует 2/3 территории Финляндии (337 тыс. кв. км), более чем вдвое превышает площадь Венгрии в ее современных государственных

²³ Так, видимо, передавалось понятие мерянский язык по-мерянски, где первое место занимало несогласованное определение в род. пад. ед. числа merän «(букв.) мери» от им. пад. ед. числа merä «меря», определяющее слово jelma(-ə) «язык», следовательно, merän jelma(-ə) «(букв.) мери (= мерянский) язык». Как аналогию ср. соответствующие названия языков финского, эрзянского и мокшанского в финском, эрзянском, мокшанском языках: фин. suomen kieli «(букв.) суоми (род. пад. ед.ч.) язык», эрз. эрзянь (< *ēržan) кель «(букв.) эрзи язык», мокш. мокшень (< *mokšən) кяль «(букв.) мокши язык».

Обоснование формы род. пад. ед. числа (в данном случае merä-n) и слова jelma(-ə) «язык» см. на стр. 67 и 118-119 наст. изд. Что касается конечного -ä в слове merä «меря», то на него с определенностью указывает характерное колебание между '-а (-я) (ä со смягчением предшествующего согласного) и -е, – ср. славяно-русское Меря при Merens («мерян») у готского историка Иордана (см. с. 9 наст. изд.). Слово мерянский в русском языке как наиболее правильное и желательное должно иметь ударение мерянский (ср., в частности, его отражение в стихотворении Г.В.Божковой, помещенном в начале этой книги). Менее оправданно и скорее ошибочно ударение «мерянский», возникающее под влиянием поверхностной аналогии ударений типа испанский, итальянский, мексиканский и под. (Прим. автора к наст. изд.)

границах (93 тыс. кв. км) и более чем в пять раз пространство, занимаемое Эстонией (45,1 тыс. кв. км)²⁴. Максимальное количество носителей мерянского языка в период его наибольшего распространения, т.е. до времени переселения на мерянские земли восточных славян, когда постепенно началась славянизация мери, в абсолютных числах установить пока невозможно. Очевидно, даже принимая во внимание редкость заселения этой обширной территории, следует считаться с тем, что население это было довольно значительным и, по-видимому, по численности приближалось к наиболее крупным тогдашним финно-угорским племенным группам – прибалтийско-финской, венгерской, мордовской. На это указывает, с одной стороны, большое количество сохраняющихся до сих пор мерянских местных названий, а с другой, то обстоятельство, что мерянское население должно было увеличиться за счет ассимилированных мерей индоевропейских носителей фатьяновской культуры.

Археологические данные современной науки позволяют считать возможным формирование мери в отдельное финно-угорское племя (племенной союз) на своей исторически засвидетельствованной территории уже в 1 тыс. до н.э. (История СССР, с. 312-314). Непосредственными предшественниками мери на той же территории были, очевидно, индоевропейцы, представители так называемой фатьяновской культуры, вытесненные и ассимилированные пришедшими с востока финно-уграми, предками

²⁴ В данном случае речь идет о сплошном основном массиве мерянской этнической территории, языковые данные с которой и являются предметом настоящего исследования. Здесь не учитываются те, возможно, существовавшие за его пределами более или менее значительные островки, где могли проживать носители мерянского (или близкородственного ему) языка, как и та часть мери, которая по существующему преданию, стремясь *избегнуть* христианизации, переселилась к марийцам или мордовцам (см. наст. изд., с. 9, 10).

мери (Крайнев, 965–969). Включение в состав этой части финно-угров (протомеры) индоевропейцев-фатьяновцев могло способствовать их окончательному обособлению от других финно-угорских племен. Первое историческое упоминание о мере готского историка Иордана (VI в. н.э.), где меряне (Merens «мерян») (Иордан, с. 150) упоминаются среди племен, плативших дань готскому королю Германариху, несомненно свидетельствует о существовании в это время меры как отдельного финно-угорского племени. Следующие упоминания о мере относятся уже к IX–X вв. и появляются в древнерусском историческом источнике – Ипатьевской летописи, где о ней сказано как о союзнике восточных славян, – в связи с собиранием дани варягами с древнерусских и соседних с ними племен (859 г.), по поводу походов Олега на Киев (882 г.) и на Цареград (907 г.), в которых наряду с варягами и восточными славянами принимала участие и меря (Ипат. лет., с. 16, 17, 21). В другом древнерусском летописном источнике о мере говорится как об особом этносе со своим языком, выделяемом на фоне других финно-угорских племен, известных в XI в. восточным славянам: «... а на Ростовском озерѣ Меря, а на Клещинѣ Озерѣ Меря же; а по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече в Волгу же, Мурома язык свой, и Черемиси свой язык, Морѣдва свой языкъ...» (Лавр. лет., с. 10–11). На основании, в частности, того, что после X–XI вв. меря перестает упоминаться в древнерусских летописных сводах, в дореволюционных отечественных работах бытовало мнение, что к тому же периоду относится и полная ассимиляция меры восточными славянами (Корсаков, с. 63–64). Это мнение, встречающееся иногда и в некоторых зарубежных работах даже в 60-х годах 20-ого века (Décsy, S. 145), в свете исследований советских историков следует признать устаревшим. Данные этих исследований, опирающихся на неиспользованные ранее исторические источники, показывают, что и после событий IX–X вв., упомянутых в Ипатьевской летописи, меря еще долго существовала на своих землях, куда с X–XI вв. стали проникать восточные славяне (Горюнова, с. 5).

Тем не менее и при том, что современной исторической науке (и в частно-

сти, археологии) удалось в какой-то степени расширить представление об истории мерянских племен, имеющиеся в настоящее время о них сведения не отличаются особым богатством. Сведения эти крайне отрывочны, фрагментарны. Скучность имеющихся в настоящее время исторических сведений о мере, – скучность, возможно, не столько действительная, сколько вызванная тем, что вопросом этим мало интересовались, – не дает пока возможности с точностью ответить даже на основные вопросы, относящиеся к внешней истории мерянского языка. Если вполне естественно и менее ощутимо отсутствие сведений о времени возникновения мерянского языка, вполне объяснимое сложностью процесса образования отдельного языка, то уже менее терпимо отсутствие указаний на дату его окончательного исчезновения. Касательно этого существуют лишь косвенные данные. Логично предположить, что поскольку в XIII–XVI вв. можно обнаружить по документам наличие т. наз. мер(ь)ских станов, где, очевидно, проживали группы еще не русифицированного мерянского населения, причем эти мерянские острова отмечаются на всем пространстве былого расселения меры от его крайнего запада до востока (села Меря Старая и Меря Молодая к западу от Москвы, мер(ь)ский стан на р. Нерль, мерецкий стан у г. Кашина, мер(ь)ский стан по р. Костроме у ее впадения в Волгу (к западу от г. Костромы), мериновская волость по р. Мере, к северо-востоку от г. Кинешмы), то в этот период следует считаться как с фактом существования этнически особых по отношению к русским групп меры, так и, по-видимому, с сохранением среди этих групп мерянского языка. Косвенное указание на возможность наличия еще одного мер(ь)ского стана по р. Унже, причем в документе середины XVIII в., дает основание предположить, что, вероятно, мерянский язык употреблялся в отдельных, наиболее удаленных, местностях еще в XVII и даже начале XVIII в. (Третьяков, с. 135–137). При этом ничто не указывает на то, что мерянский язык в период его использования на отдельных языковых островах употреблялся только в границах отмеченных мер(ь)ских станов. Так, по-видимому, кроме них,

одним из мест его длительного употребления мог быть г. Галич и окрестные села, хотя ни в одном документе эта местность не фигурирует как мер(ь)ский стан. О том, что Галич мог быть местом значительного сосредоточения мерянского населения, длительное время сохранявшего мерянский язык, свидетельствует то, что Галич в средние века именовался Галичем Мер(ь)ским, а также то обстоятельство, что у галицких рыбаков долгое время спустя после их полной русификации был в ходу особый тайный елманский язык, часть слов которого, являясь явно финно-угорской, отличалась в то же время от них своеобразной формой, позволяющей предположить их мерянского происхождения (ср. хотя бы слово *елманский* от мер. *jelma(-ə) (род. пад. ед.ч. *jelma(-ə)-n) «язык», – мар. *йылме*, манс. *нѐлм (нѐлум)*, хант. *ñäləṯ*, венг. *nyelv*, саам. *K ñäilme* «рот» < ф.-уг. *ñälmä) (Попов, с. 101; MSzFUE, l. 480). Очевидно, елманский язык как «тайный язык», профессиональное арго, свидетельствует о существовании у части жителей г. Галича и его окрестностей русско-мерянского двуязычия. Поскольку их «тайный язык» сохраняет мерянские включения, его до известной степени можно рассматривать как результат социально-лингвистической трансформации отмирающего мерянского языка. Фиксация ряда, по-видимому, мерянских по происхождению слов или выражений (иногда в составе соответствующих арго) в русских говорах Углича, Нерехты, Кинешмы, Солигалича и Пошехонья, расположенных на бывшей мерянской территории, свидетельствует о возможности длительного сохранения отдельных групп меряноязычного населения в целом ряде местностей бывшей мерянской этнической территории. В силу этого при окончательном угасании мерянского языка отдельные его носители могли встречаться в разных местах этого довольно обширного в прошлом этнического пространства. В связи с тем, что, скорее всего, последние группы носителей мерянского языка располагались на крайнем его северо-востоке (в бассейне р. Унжи), с наибольшим вероятием здесь же проживали и последние единичные его носители. Известно, что с 20–30-х годов XVIII в., еще во времена царствования Петра I,

началось усиленное изучение языков России, особый размах получившее в царствование Екатерины II и отразившееся в издании «Сравнительного словаря всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенного» (СПб., 1787–1789, ч. 1–2) (Феоктистов, с. 11–25). Однако, поскольку среди собранных материалов данных по мерянскому языку нет, есть основание полагать, что последние группы носителей мерянского языка должны были исчезнуть до 20–30 годов XVIII в., существование же отдельных носителей мерянского языка могло еще продлиться до середины XVIII в., хотя едва ли жизнь кого-либо из них пересекла этот рубеж. Таким образом, предельно возможным сроком существования мерянского языка следует считать первую треть XVIII в., в крайнем случае первую его половину. Под меряньским языком, естественно, здесь понимается – даже при наибольшем насыщении его русской лексикой – сохранение прежде всего мерянской грамматической системы, согласно правилам которой могли строиться в случае необходимости новые мерянские устные тексты. С тех пор как со смертью последних носителей языка такое умение исчезло и даже при большой насыщенности мерянской лексикой новые тексты, включавшие ее, стали строиться только по правилам русской грамматики, с использованием только ее словоизменительных парадигм, – причем остатки мерянской флексии уже не осознавались как таковые, – можно говорить и об окончательном прекращении жизни мерянского языка, хотя сохранившиеся в составе различных видов русского языка как его субстратные включения элементы мерянского языка еще продолжали (и продолжают) посмертное (после его исчезновения) существование. При решении вопроса о временных и пространственных рамках существования мерянского языка внимание исследователей, естественно, приковывается к той основной, наибольшей массе мерянского населения, которая подверглась славянизации (> обрусению). При этом совершенно упускаются из виду судьбы той части мери, которая, стараясь избежать христианизации, переселилась на восток, к мари́йцам или мордовцам, и последний раз под названием «ростовской чер-

ни» упоминается в связи с осадой Казани Иваном Грозным (1552 г.) в «Истории о Казанском царстве». Поскольку в дальнейшем какие-либо упоминания об этой части мери прекращаются, следует считать, что в период с середины XVI до второй половины XVIII в. (когда началось изучение мордовских и марийского языков) эта ее часть подверглась окончательной ассимиляции. Вопрос исследования остатков этой части мерянского языка еще более сложен, чем основной его части, которая растворилась в русском, что связано с гораздо меньшим количеством его носителей, с растворением его в родственном языке (языках), чему могло предшествовать значительное сближение мерянского с марийским (либо мордовским), и, наконец, с тем обстоятельством, что сами марийский и мордовские языки стали фиксироваться в основном после исчезновения этой части мери с ее языком²⁵.

На основании косвенных данных – сохранения этно-языковых мерянских «островов» (т. наз. мер(ь)ских станов) в XV–XVI, а судя по упоминанию об одной из них («Георгиевская (церковь), что в Мерском (стане)») в документе первой половины XVIII в., еще в XVII и, вполне возможно, начале XVIII – можно полагать, что мерянский язык после проникновения славян на мерянскую территорию продолжал на ней сохраняться вместе с его носителями, мерянским этносом, на протяжении не менее 7–8 веков. Ввиду того что ни в предшествующий, ни в этот период история не отмечает никаких славяно-мерянских конфликтов, а если бы они были, то неизбежно как-то бы себя проявили при, по-видимому, значительном местном населении, есть полное основание считать, что сосуществование пришлого славянского и местного мерянского населения было вполне мирным. Историкам еще предстоит решить эту проблему. Пока можно высказать по этому поводу только предварительные предположения. Очевидно, обе части местного населения, во-первых, в силу разницы в своих занятиях (меряне – скотоводы, рыбаки и охотники, славяне – в основном земле-

дельцы) и ввиду больших незанятых территорий, которые в первую очередь заселяли славяне, могли не мешать друг другу, во-вторых, обе части населения в какой-то степени были заинтересованы друг в друге, а это обстоятельство заставляет народы жить мирно и находить возможность избегать конфликтов. По всей видимости, это были взаимоотношения союзников. С соответствующими поправками по отношению ко времени и обстоятельствам здесь невольно напрашивается аналогия Рима и его союзников в период романизации Апеннинского полуострова. В данном случае, избегая вперед, как и там, при совершенно мирном характере взаимоотношений, а, может быть (и скорее всего), именно благодаря ему, произошла постепенная ассимиляция одной части населения другой. Можно попытаться в то же время ответить на вопрос по поводу того, что вынуждало славян и мерян искать подобного союза и быть заинтересованными в мирных отношениях. По-видимому, меря, расположенная на важных торговых путях и подвергаемая угрозе с двух сторон (с запада со стороны варягов, а с востока – булгар), нуждалась в помощи союзника, заинтересованного, как и меря, в защите от этих сил. Такими естественными союзниками должны были стать славяне, которые, с одной стороны, укрепили свои позиции династическими связями с варягами, превратив варягов из врагов в союзников, с другой, – успешной борьбой с Булгарским, как ранее с Хазарским государством. Со своей стороны славяне, проникавшие в мерянские земли, нуждались в том, чтобы здесь, в сравнительно спокойном крае, куда они уходили с юга, с земель, подвергавшихся непрерывным ударам кочевников, они встретили мирное и дружественное, союзное с ними население, а не враждебное, готовое вступить в союз как с родственными соседними финно-угорскими племенами, так и с враждебными славянам булгарами. Обе причины привели как к следствию к сложившемуся здесь славяно-мерянскому симбиозу. Мирно сложившийся и развивавшийся славяно-финно-угорский (мерянский) симбиоз повел к срастанию обеих составных частей в одно этно-языковое единство с перевесом славян, что явилось

²⁵ Признавая всю важность этого вопроса, ввиду его чрезвычайной сложности автор данного исследования его не касается.

предпосылкой дальнейшей постепенной славянизации местного мерянского населения. Важными причинами, обусловившими именно такое направление ассимиляционного процесса, были количественный перевес славян над здешними финно-уграми, а вместе с тем и более высокий уровень их экономики, социального строя и культуры по сравнению с соответствующими явлениями у местных финно-угров (Третьяков, 1970, с. 116, 154)²⁶. Эти вполне объективно действовавшие причины сопровождались обстоятельством, не зависящим от волго-окских финно-угров (мери) и славян, но вызвавшим усиление притока последних на отдаленные мерянские земли. Этим обстоятельством был уход славян из южных древнерусских областей, подвергшихся в XI–XII вв. жестоким ударам кочевников. По-видимому, славянизация мерян могла быть особенно усилена последствиями золотоордынского нашествия, которое, с одной стороны, вызвало еще более массовый уход славяно-

²⁶ Там, где у славян не было подобного количественного перевеса над финно-уграми, частично и в связи с тем, что соответствующие финно-угорские народы не располагались, как меря, в направлении основного потока расселения славян, соответствующие финно-угорские народы (финны, эстонцы, мордовцы, марийцы) продолжают существовать до сих пор, развив при этом, как, например, финны и эстонцы, чрезвычайно высокую материальную и духовную культуру. Характерен в этом отношении пример двух городов, Ярославля и Тарту, заложенных Ярославом Мудрым соответственно в 1010 и 1030 гг. и названных в честь его именами, славянским (языческим) и греческим (христианским) Ярославом (-городом) и Юрьевом (-городом). Оба города заложены на месте финно-угорских поселений, мерянского и эстонского, но в то время как первый давно стал одним из центров русской (славянской) культуры (в частности, колыбелью русского национального театра), второй стал одним из крупнейших центров эстонской (финно-угорской) культуры (Тартуский университет, Сельскохозяйственная академия, знаменитый театр «Ванемуйне»). Там же, где обнаружился перевес финно-угорской материальной и (или) духовной культуры и социального устройства над славянскими, как в быв. Паннонии (Венгрии), славянское население подверглось постепенной финно-угризации, войдя в состав финно-угорского (венгерского) народа, причем наблюдались случаи как массовой, так и индивидуальной финно-угризации (хунгаризации) (ср. пример Петефи, славянина по обоим родителям: мать – словачка, отец – серб).

русского населения на здешние земли, создав тем самым еще больший его перевес над мерянским, с другой же, отрезало мерю на длительный период от родственных финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, связи с которыми в былом могли в известной степени поддерживать и питать здешнюю финно-угорскую культуру.

Таковы были в основных чертах обстоятельства внешней истории мерянского языка, та социолингвистическая ситуация, в которой он находился в наиболее известный науке исторический период его существования и которая вызвала постепенную славянизацию его носителей, что привело впоследствии, после более или менее длительного периода меряно-славянского двуязычия, к вытеснению мерянского языка славяно-русским. В этой внешней истории не совсем ясным остается, однако, положение мерянского языка по отношению к славяно-русскому. Не вполне понятно (во всяком случае с первого взгляда), есть ли основание в данном случае говорить о юридически и социально равноправном положении обоих этнических элементов Владимиро-Суздальского (> Московского) княжества, славяно-русского и мерянского. С современной точки зрения, поскольку в качестве официального, в том числе письменного, языка с самого начала здесь употреблялся только славянский, можно было бы говорить о значительном неравноправии славяно-русского и мерянского этнолингвистических элементов. Однако подобный взгляд был бы в данном случае неправильным, анахроничным, являясь механическим перенесением положения, создавшегося в мире к XIX–XX в., в период возникновения буржуазных, а позднее социалистических наций, на совершенно другой исторический период, средние века, когда в лучшем случае происходило только зарождение народностей эпохи феодализма, зачастую же еще сохранялись в какой-то степени унаследованные от родо-племенного строя племена или племенные союзы. В связи с этим, а также значительной диалектной раздробленностью языков, как и с отсутствием позднейшей, связанной с периодом формирования наций тенденции образования (одно)национальных государств, во всей Европе (да и в Азии) в это время

господствовало тяготение к использованию единого официального языка в пределах одного государства, а зачастую целого ряда государств. Этот язык далеко не всегда являлся даже языком того народа, которому в данном государстве принадлежала руководящая роль. Сплошь и рядом, напротив, в роли официального языка использовался как раз язык покоренного народа только потому, что к приходу народа-завоевателя (или вообще главенствующего народа) в данную страну он уже употреблялся в качестве письменного официального языка, в то время как у народа-завоевателя (народа главенствующего) подобного языка еще не существовало. Так, германские племена (франки, бургунды, готы, лангобарды, вандалы), завоевавшие Римскую империю, несмотря на свое вне всякого сомнения господствующее положение (ср., в частности, длительный запрет на военную службу, распространявшийся на романское население в завоеванных германцами римских провинциях), которое им принадлежало во вновь созданных ими государствах, бывших римских провинциях Западной Римской империи, не использовали в качестве официальных свои германские языки, что было бы естественным и даже само собою разумеющимся с современной точки зрения, а прибегли как к официальному латинскому языку, т.е. к тогдашнему литературному языку завоеванного римского (романского) населения. Литовцы, создав Великое княжество Литовское, также не использовали в нем свой родной литовский язык в качестве письменного официального, а применяли в данной функции язык присоединенных к Литве восточнославянских, белорусских и украинских областей, местный официальный, т. наз. западнорусский, язык. Если подобным образом поступали в те времена даже народности, занимавшие господствующее положение в созданных ими государствах, очевидно, не считая, что подобное положение в чем-то их ущемляет, то вполне понятно, что по отношению к мерянским племенам, среди которых поселились славяне, имевшие более развитую культуру и в том числе свою собственную письменность, которой у мерян в тот период не было, исполь-

зование славянского языка в качестве письменного и официального не могло восприниматься как признак их неравноправного со славянами положения. Это положение не могло быть воспринято как признак неравноправия, и действительно (в свете хотя бы приведенных выше примеров) им не было, и в связи с тем, что, во-первых, сам мерянский язык, как вытекает из выдержки из жития св. Леонтия о том, что он «русьскыи и мерьскыи языкъ добръ умѣяше» (Житие, II), по-видимому, в устной, а отчасти и в письменной (например, при богослужении) форме достаточно широко употреблялся во Владимиро-Суздальской Руси, а, во-вторых, и потому, что и тот официальный письменный язык, которым пользовались славяне, был далеко не идентичен их разговорному языку. Как известно, в качестве богослужебного языка, языка религии, восточные славяне использовали не свой, хотя и родственный, славянский язык, а язык южнославянского (древнеболгарского) происхождения, церковнославянский (< старославянский). Этот же язык в известной, большей или меньшей, степени проникал и в их светскую письменность. Таким образом, сами восточные славяне, проникавшие в мерянские земли, были поставлены в далеко не равноправное (в языковом отношении) положение, например, касательно южных славян (болгар и македонцев), где письменный язык в то же время мог быть почти идентичен местному народно-разговорному славянскому языку²⁷. Все упомянутое позволяет с тем большим основанием характеризовать положение славянского и мерянского населения Владимиро-Суздальского княжества как равноправное и именно этим обстоятельством

²⁷ Следует полагать, хотя этот вопрос освещен хуже, чем фактически существовавшее в то время у восточных славян древнерусско-церковнославянское двуязычие, что далеко не идентичным народно-разговорному языку Северо-Восточной (Владимиرو-Суздальской > Московской) Руси был и употреблявшийся здесь восточнославянский письменный язык, представлявший собой своеобразное койне, связанное с какой-то ограниченной, а далеко не всей восточнославянской этно-языковой территорией. Иначе трудно понять причины столь «быстрого» (по памятникам письменности) возникновения трех восточнославянских языков.

объяснять то, что, несмотря на длительность, существование мерянского этно-языкового элемента на его землях, как и окончательное исчезновение мерян, проходит почти незамеченным для истории.

Последнее объясняется двумя основными причинами. Первая из них заключается в том, что история в этот период, как и много веков позже, хотя и была фактически историей прежде всего трудовых масс, однако на страницах летописей и других исторических источников фиксировалась главным образом как история царствующих династий, княжеских фамилий и господствующих классов вообще, их взаимоотношений, войн, браков, генеалогий, разнообразных союзов, дипломатических переговоров и т.д. Поэтому о судьбах широких народных масс в исторических источниках того времени можно узнать или по политическим действиям возглавлявших их правителей, или в связи с различными политическими или социальными потрясениями – войнами, восстаниями и т.п., в которых принимали участие эти широкие народные массы. Вполне естественно, что поскольку мерянские племена, во всяком случае к тому времени, когда они вошли в соприкосновение с восточными славянами, не имели каких-либо прочных, возглавляемых мерянской знатью государственных образований, а сама мерянская знать стала вливаться в ряды славяно-русской, выступать в рамках созданных последней феодальных образований, княжеств и земель, то они как бы потеряли представлявшее их на страницах письменных исторических источников собственное лицо, собственную племенную (> национально-государственную) аристократию, отличную от русско-славянской. Тем самым мерянское население, существовавшее в это время, в значительной степени как бы выпадало из поля зрения истории. Однако поскольку в то время – как во многом и значительно позже – было принято говорить не столько об отдельных национальностях (этнусах), населявших то или иное государство, сколько о самом государстве, исходя при этом из основной его народности, то вполне естественно, что то же самое относилось и к мерянскому населению Владимиро-Суздальской (> Мос-

ковской) Руси: оно выступало как часть русского населения его земель (даже задолго до своей полной этно-языковой ассимиляции). Вторая причина того, что меря как отдельный этнический элемент почти не упомянута в исторических источниках и исчезает (или почти полностью исчезает) из них во многом задолго до своего действительно полного исчезновения, заключается в том, что меря как этнический элемент не вступала в какие-либо конфликты со славяно-русским населением. Единственной возможностью обратить на себя внимание историка, летописца, хронографа у социальных низов (или «негосударственных» этносов), относящихся к тому или другому народу, являлось участие в каких-либо крупных социальных событиях, таких, как восстания, войны, носившие ярко выраженный национальный или национально-религиозный характер. Поскольку и в подобных событиях мерянское население отдельно от русско-славянского населения тех же земель не участвовало, тем самым исчезал и еще один важный повод для специального отражения жизни мери на страницах источников²⁸.

Не менее сложной, чем вопрос о временных пределах существования мерянского языка и взаимоотношений мерянского и славяно-русского населения, является проблема точных границ этнической террито-

²⁸ Некоторую аналогию к отражению существования мери в исторических источниках представляет положение с отражением истории других финно-угорских народов на территории России. Если эти народы, действительно жившие в ту эпоху, о чем свидетельствует прежде всего их пребывание в настоящее время, и упоминаются в них (не намного чаще, чем меря), то объясняется это в значительной степени тем, что эти финно-угорские народы или значительно лучше, чем меря, сохранили свою чисто этническую языческую религию, что вызывало, в частности, конфликты с царскими властями и православным духовенством (ср. существование языческих жрецов у марийцев еще в 20-е годы 20-ого века; сожжение языческих кладбищ у мордвы-терюхан в XVIII в.; социально-религиозное движение во главе с Алексеевым у мордвы в начале XIX в.; знаменитое мултанское дело, связанное с провокационным обвинением удмуртов в человеческих жертвоприношениях), или отдаленностью и одновременно экономической предприимчивостью этих народов (купцы и промышленники у коми).

рии мери и в связи с этим соседних и контактировавших с ней народов. Только земли трех современных областей России были в прошлом несомненно полностью заселены мерей – Ярославской, Ивановской, Костромской. Сюда же входила крайняя восточная часть нынешней Калининской [с 1991 г. – Тверской. – Прим. ред.] области (Кашинский р-н), где, судя по существованию здесь особого мер(ь)ского стана, также обитала меря. В нынешней Московской области меря располагалась, исходя из соответствующих названий (Яхрома, Талдом), в северной части, а также центральной и юго-восточной (ср. топоним *Коломна* с ф. *kalmisto* «могила > могильник > кладбище») (Смолицкая, с. 81–82). Что касается юго-западной и западной ее части, то здесь топонимы Московской и соседней с ней части Тульской области (р. *Нара*, увязываемая с балтийским географическим термином *пага* «поток» (Поспелов, с. 125); р. *Упа* – лит. *urė* «река») указывают на их в прошлом балтийское население, прежде всего балтийское племя голядь, обитавшее в этих местах. Для соседней с Московской Владимирской области о мерянском населении можно с уверенностью говорить только по отношению к местности, находившейся к северу от р. Клязьмы (Décsy, S. 148). В южной части области в районе г. Муромы жила в прошлом мурома, видимо, одно из древне-мордовских племен. Как далеко к югу простирались земли мери и где они граничили с этнической территорией мурома, на основании имеющихся данных определить точно нельзя. Исходя из названия р. Вёкса, имеющегося в южной части Вологодской области и встречающегося также в Ярославской и Костромской, местах несомненного обитания мери, можно считать возможным присутствие мери также в части прилегающих с севера к современным Ярославской и Костромской областям районов Вологодской области. Более проблематично обитание мери в граничащих на западе с нынешней Костромской областью районах современных Кировской и Горьковской [с 1990 г. – Нижегородской. – Прим. ред.] областей. Основываясь на данных современной этнографии, а также свидетельствах топонимов, следов прошлых обитателей земель, смежных с бывшими мерянскими, можно считать, что сосе-

дями мери до переселения в ее область восточных славян были в основном финно-угорские племена. С юго-востока и востока соседями мери были марийцы. На северо-востоке с ними могли граничить коми, в то время сильно продвинувшиеся на запад. С севера, северо-запада и востока мерянские земли соприкасались с областью прибалтийско-финских племен, очевидно, в основном вепсов, которые на северо-востоке, как часто вообще прибалтийские финны, именовались чудью. Не исключено, однако, что в какой-то своей части эта т. наз. заволочкая чудь включала и другие этнические элементы, кроме прибалтийско-финских²⁹, в частности и близкие мере, которые не давали эту часть чуди отождествлять с вепсами в этническом, а, возможно, и языковом отношении. На юге соседями мери были мордовские племена – мурома, мещера, мокша и, может быть, в какой-то степени эрзя. Только на западе и юго-западе меря соприкасалась с нефинно-угорскими (индоевропейскими), балтийскими племенами, главным образом голядь, на земли которых, как и на земли вепсов, проникли позже славяне, начавшие затем переселяться на мерянскую территорию. До своего переселения на засвидетельствованную историей территорию меря (точнее, протомеря), как показывает анализ ее языка (о чем ниже), очевидно, еще на финно-угорской прародине непосредственно контактировала с праугорскими племенами, в том числе предками обских угров и протовенграми. Не исключено, что в тот же период протомеря могла контактировать и с территориально близкими к праугорским племенам предками саамов. Таким образом, в своем прошлом меря, а точнее ее языковые финно-угорские предки, относятся к праокским (финско-мордовско-марийско-пермским) племенам и тяготея в основном к прибалтийско-волжской их группе, где занимала как бы промежуточное место, в то же время в силу длительных контактов в какой-то степени сблизилась и с восточной ветвью финно-угров, прауграми. В даль-

²⁹ Ср.: «Топонимика... свидетельствует о принадлежности заволочкой чуди к прибалтийско-финской группе, с языковыми отличиями от карел, а отчасти и от вепсов, хотя последние несомненно входили частично в эти края» (Попов, с. 71–72).

нейшем, переселившись на свою засвидетельствованную историей этническую территорию и застав здесь индоевропейцев «фатьяновцев», меря их постепенно вытеснила, а частично ассимилировала, став преемником местного индоевропейского субстрата. Позже, как и все финно-угорские народы Поволжья, меря испытала известное воздействие со стороны тюркоязычных булгар. Последним наиболее сильным воздействием было языковое влияние со стороны восточных славян, вызвавшее постепенную славянизацию мери и частично отраженное в остатках мерянского языка, сохранных русскими народными говорами на постмерянской территории.

Все эти многообразные генетические и контактные связи мерянского языка в настоящее время могут быть прослежены только с помощью единственного пока источника его изучения – различных субстратных мерянских включений в русском языке (в его апеллятивах и ономастике). Время проникновения этих включений в русский язык занимает несколько веков, от IX–X вв., когда восточные славяне впервые соприкоснулись с мерей, до начала XVIII в., когда мерянский язык предположительно перестал существовать и вследствие этого прекратился приток в русский язык новых мерянских слов. Период контактов славяно-русского языка с мерянским, таким образом, охватывает около 9–10 веков. Уже ввиду того, что за это время как славяно-русский, так и мерянский языки должны были претерпеть ряд изменений, возникает вопрос о периодизации истории мерянского языка, которая для большей полноты и точности должна включить – в основном – доисторический период, предшествующий началу меряно-восточнославянских контактов, и, условно говоря, послеисторический, важный вследствие того, что пока преимущественно только путем его свидетельств, сохранных в русском остатков мерянского языка, исследователь получает возможность судить о его истории. Вопрос о периодизации мерянского языка важен не только в связи с возможными изменениями в его внутренней истории, т.е. в изменении самого мерянского языка, его структуры, а и в связи с

его внешней историей, заключающейся в изменениях в функционировании языка, его социолингвистической ситуации. Располагая в настоящее время только ограниченной суммой фактов и критериев внутренней истории мерянского языка, его исследователь при решении вопроса о периодизации его развития (конструктивного и деструктивного) (Ткаченко, 1975, с. 158–175) вынужден исходить в основном из данных внешней истории. Так как подробная периодизация мерянского языка может быть осуществлена только на основе конкретных языковых фактов, которые будут изложены далее, здесь можно наметить главные ее ориентиры. Историю мерянского языка на основании того немногочисленного, что известно об истории народа, его носителя, в связи с историей других родственных и неродственных ему народов, можно разделить на три большие эпохи:

1) протомерянскую, время от первых проявлений лингвистического своеобразия протомерянского идиома еще в рамках финно-угорской языковой общности до первых предпосылок его преобразования в отдельный финно-угорский язык ввиду поселения мери на своей исторически засвидетельствованной территории (около 7–6 тыс. до н.э. до конца 2 тыс. до н.э.);

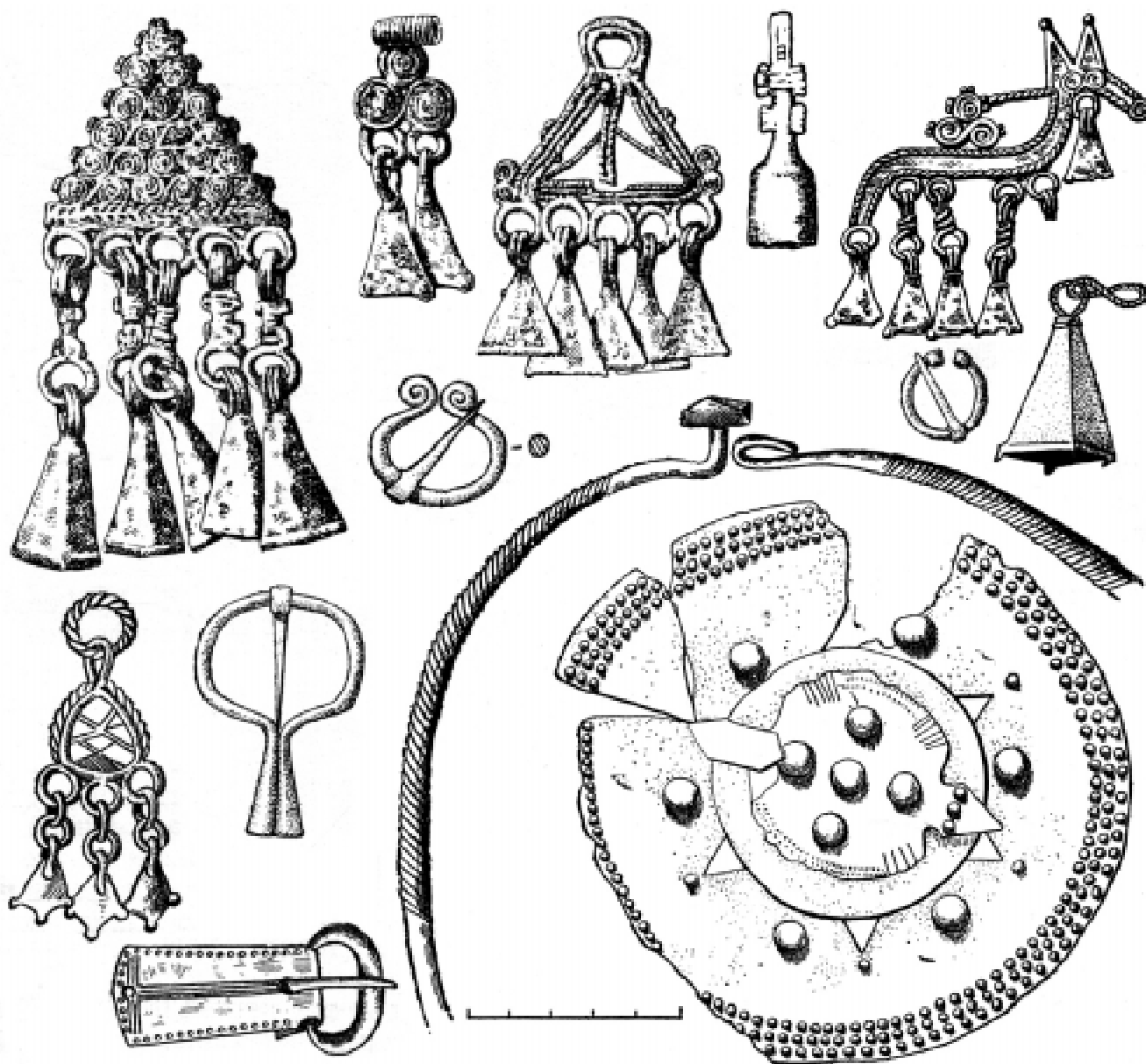
2) (собственно) мерянскую (от 1 тыс. до н.э. до 1730/50 г.);

3) постмерянскую (от 1730/50 г. до настоящего и позднейшего времени). Хронологические рубежи первой эпохи образует время от распада финно-угорского праязыка на прафинно-пермскую и угорскую ветви (и предшествующее ему тысячелетие) до времени поселения мери на своей исторической территории. Хронологические границы второй эпохи образует время от появления мерянского языка до его окончательного угасания, связанного со смертью последних носителей. Третья (постмерянская) эпоха связана со временем после окончательного выхода из употребления мерянского языка, когда он продолжает сохраняться только в виде своих субстратных пережитков в составе русского как языка-преемника. Учет последней эпохи необходим прежде всего потому, что пока только на основе ее данных

наука имеет возможность говорить о всех предыдущих эпохах истории мерянского языка. Исходя из сугубо исторических данных, можно также разделить (собственно) меряnsкую эпоху на два более мелкие подразделения – древнемеряnsкую и новомеряnsкую пору. Первая из них охватывает период от 1 тыс. до н.э. до IX в., т.е. время от поселения мери на ее исторической территории до первых контактов с восточными славянами, которые в этот период уже вступили с мерей в союзнические отношения (участие мери в походах Олега на Киев (881 г.) и Царьград (907 г.)), но еще не проникали на

ее территорию. Вторая относится к периоду от X в., времени проникновения на меряnsкие земли первых поселенцев из восточных славян, до 1730/50 г., времени полного угасания меряnsкого языка, связанного со смертью последних его носителей.

В этих достаточно широких временных рамках устанавливаются более узкие – периоды, выделение которых станет возможным после рассмотрения связанных с ними социолингвистических явлений, относящихся к внешней истории языка в протомеряnsкую и собственно меряnsкую эпохи.

Бронзовые и серебряные украшения из Сарского городища и могильника. VI-XI вв.
[22, стр. 97, 118]